

УЧИТЕЛЯ НАШЕЙ ШКОЛЫ

Владимир Александрович Снатенков,
педагог, Германия

Рассказ учителя о реалиях отечественного образования.

• учитель • школа • уроки истории • программа • общество

Педагогический коллектив и его дух

Вернусь к школе. В первой главе я рассказывал подробно о работе с классом в Оренбурге. Теперь хочется ещё рассказать об учителях моей новой школы в Ленинграде. Школа была обыкновенной преподаванием, с обычными буднями, но довольно оригинальной учительским составом и стилем работы. В этом заслуга директора. Людмила Николаевна Грачева умела подбирать учителей. Половина педагогического коллектива были мужчины, многие из них видные бородачи. Заместитель по внеклассной работе — высок, молод, энергичен: на всё своеобразная шутка. Впоследствии он работал директором в соседней школе. Заместители по учебной части — женщины более серьёзные; они качают головой в адрес директора, которая отпускает учителей и школьников в учебное время на различные соревнования. Английский язык ведёт участник известной команды КВН из Политеха. Он пишет эпиграммы на коллег и читает их школьникам на совместных вечерах старшеклассников и педколлектива. Среди учительниц немало красавиц. В каждые каникулы несколько групп отправляются в походы: иногда даже на Тянь-Шань или

Памиро-Алтай! Восемь учителей школы — инструкторы по туризму, включая директора. У инструкторов конкуренция за надёжных походников. В спортзале — скалодром; два бывших ученика Людмилы Николаевны ведут скалолазание. Володя Кауров впоследствии станет председателем Федерации скалолазания России, а сын его — чемпионом мира. С Володиёв Букшпун — тоже не слабым тренером, мы ездили на Кавказ в поход и на чемпионат РСФСР школьников. В школе всегда готовились команды к различным соревнованиям. Представьте картину: проходят мимо школы люди и видят, как из окна четырёхэтажного здания на верёвках спускаются «дюльфером» скалолазы. Прохожие удивляются, а кто-то даже подозревает: не воры ли такие ловкие.

Математику в школе преподавали две женщины солидного возраста. Они подружки на всю жизнь со студенческой поры и люди необыкновенно ярких характеров: с того века, как говорила про себя Ирина Абрамовна. Преподавание предмета они вели пристрастно. В кабинете висит портрет Ломоносова и под ним изречение: «Математику уже затем учить надо, что она ум в порядок приводит». На уроке абсолютная тишина. Присутствуют все, записывают всё, листают учебники, слушают.

— Объясняю ещё раз всем, кто дремал!

Класс вздрагивает. Те, кто не напряжённо слушал, чувствуют, что их сейчас обязательно спросят. Из всех сил они изображают внимание к учителю. Тот, кто получал «тройку», был счастлив и знал предмет минимум на «четвёрку». Это у Ирины Абрамовны. У Нины Петровны было тесно всем, кто не знал предмет на твердую четвёрку, т.е. почти всем. Она отпускала увесистые комплименты, которые не всегда были педагогическими, но исключительно меткими, и класс валится на столы от смеха. Перед Ниной Петровной трепетали и родители, многие из которых у неё учились прежде. Имена этих учительниц были рекомендацией для поступления в математические вузы Ленинграда. Абитуриент от них, если даже оплошал на экзаменах, получал оценку на балл выше. Ирину Абрамовну в моём классе любили больше, чем всех других учителей. И даже после окончания школы на встречу выпускников многие приходили только из-за неё.

А какой замечательный театр в школе! Он до сих пор здравствует! Мне кажется, далеко не все профессиональные театры Петербурга могут сравниться мастерством с кружком нашей учительницы литературы. Наталья Григорьевна находит актёров на уроках. Это большое дело, когда класс обнаруживает среди своих сверстников таланты. В школе, дома, в маленькой квартирке учительницы, в музее Ахматовой или Достоевского, на всевозможных подмостках Петербурга идут репетиции и выступления. Это своего рода театральная школа, состоящая из актёров нескольких поколений, в которую добавляются всегда новые школьники. Театралы — странные люди: всё у них как-то валяется тихо, тайно. И тайно кружок вдруг уезжает в Старую Руссу к каким-то другим театрам. А потом спектакль для школы! Спектакль, разумеется, идёт классический, допустим, по Чехову, всё точно по сценарию, но вдруг зрители узнают кого-нибудь из зала из учителей или старшеклассников.

Публика хохочет на серьёзном спектакле. Из кружка вышли и профессиональные актёры, которые после школы учились в театральных вузах. С некоторыми из учеников театрального кружка я дружу и общаюсь десятилетиями, потому что они были ещё и походниками. В конце похода обязательно проходит творческий капустник: и вот там театралы в ударе!

Историк Михаил Юрьевич вёл рассказ на уроке — заслушаешься! К нему за опытом преподавания приходили учителя из других школ, он нередко делал доклады на учительских конференциях. Однажды я набрал из пяти седьмых классов сборную группу в поход на Красную Поляну Западного Кавказа. Школьники и Юрьевича уговорили пойти с нами. Группа, собранная полностью из новичков, да ещё из подростков, — всегда дикое сборище. Никто никого не слышит, все орут в лесу: вырвались на свободу. При том ученики эти вовсе не были трудными в школе. Михаил Юрьевич удивляется: какими разными бывают дети на уроках и в лесу. Я тоже очередной раз удивляюсь. Преподаёшь: перед тобой почти примерная девочка и учится хорошо, а в походе прорвалось наружу всё, что есть. Перед Юрьевичем мне стыдно за орду, а он интеллигентнейший человек, готов кого-нибудь уже за воротник схватить. Отзываю его в лес. Договариваемся собрать нашу палатку, рюкзаки и уйти из лагеря. Разумеется, Миша думает, чтобы погугать школьников, а у меня — это уже приём, когда подростки нарываються. Уходим километра на три от всех и в низине, в тишине укладываемся спать. После школьной заморенности в лесу мне спится сладко, а Миша до утра глаз не сомкнул. Утром, вернувшись к лагерю, мы спрашиваем народ, как долго ещё все веселились? Оказалось, недолго, не больше часа.

— Исай наорал на всех и сказал, чтоб ложились спать.

Исай — это Гриша Исаев, один из тех, кто тоже немало бесился в начале. Состав

этих школьников был неплохой и не имел той выносливости в дури, к которой привыкает трудновоспитуемое хулиганье. Дурь лучше было прихлопнуть разом, я это вывел из многолетнего опыта. Поход дальше выровнялся, и его ещё сейчас вспоминают уже солидные родители как своё светлое, школьное детство.

Михаил Юрьевич после похода на педсовете выдал резкое суждение:

— В школе только два педагога — Грачёва и Снатенков; остальные — преподаватели.

Это было сказано, конечно, сгоряча после неожиданных впечатлений от учеников, которые по-разному ведут себя в школе и вне её. Действительно, есть учителя, которые воспитанию придают большее значение, чем преподаванию. На деле многие наши учителя водили детей в походы, да и театр Натальи Григорьевны ещё как воспитывал. А мастера-преподаватели и на уроках добивались определённого воспитательного эффекта. Фраза, кинутая наспех Юрьевичем, выражала удивление: насколько дети преобразались в лесу. На маршруте мы с Мишей немало философствовали об этом.

Ещё два учителя нашей школы ушли в администрацию города не на маленькие должности: достаточно долго там работали, но не удержались навсегда. И слава богу! Очевидно, они не смогли мимикрировать вместе с другими чиновниками в сторону общей политики, которая изменялась во всё более ублюдочную. Это тоже их хорошо характеризует.

С Людмилой Николаевной однажды мы водили старшеклассников в лыжный поход по Хибинам на Кольском полуострове. Вторая категория сложности! Кто разбирается в категориях, тот оценит поход для школьников. Быт походный зимой особенно не простой. Хибины зимой к тому же лавиноопасны на склонах, и снег там до трёх метров глубиной. На ночь уходим с перевала в низину, в лес. Утаптываем снег сначала на лыжах, затем ногами. Ставим шатёр, а внутри устанавливается раскладная печь; труба выходит в дырку из шатра, обшитую несгорающим материалом. Костёр вдали от шатра полыхает тоже на специальной сетке, чтоб горящие дрова в снег не провалились. Дрова пилятся из ствола сушины и ру-

бятся. В туалет — только на лыжах. Ночью в шатре по очереди кто-то подкидывает дрова в печь, остальные спят крепко, потому что весь день провели на ходу. Народ подбирается на такие маршруты испытанный; не испытанные дрогнут, да и проспят дежурство. Не все поймут такой отдых и спросят: зачем же так мучиться на морозе в 30 градусов? Всех, кто этого не понимает, мы ничем утешить не можем или ответим словами Высоцкого: «Так лучше, чем от водки или от простуд...» Закончили маршрут мы в Кировске и договорились с Домом пионеров переночевать в помещении.

В большом зале на полу все расстелили коврики и спальники, еду сварили на кухне, а после ужина песни, байки, итоговый разговор о маршруте. Непривычное тепло помещения вскоре всех клонит ко сну. Выключаем свет и засыпаем богатырским сном... Среди глубокой ночи вдруг включается свет, затем крик, кто-то заметался по помещению, и сломя голову несколько человек побежали к выходу... Местная шпана как раз в ту ночь собралась пограбить Дом пионеров. Например, можно унести музыкальную аппаратуру. Они выставили стекло, залезли — а тут мы! Мы не то чтобы погнаться, а даже не проснулись толком, как воров всех сдуло. Когда проснулись, начали все хохотать... Людмилу Николаевну директор Дома пионеров затем очень благодарил за то, что мы в нужную ночь любезно согласились в тепле переночевать. Если сказать серьёзней: начиналась пора перестройки.

Чуть больше чем через год я уволился из школы, потому что об учителей стали вытирать ноги. После меня уволились большинство мужчин-учителей; им нужно было кормить семьи. Людмила Николаевна осталась и работала до пенсии и после пенсии. В 1996 г. я уже жил в Германии, кем только там ни работая и, приехав в Петербург, пришёл в школу повидаться с оставшимися коллегами.

Невзирая на полный раздрай в стране, у школы были свои успехи. С Людмилой Николаевной мы разговорились в её кабинете, и за рассказами о школе она вдруг заплакалась.

— Володя, ты не представляешь, каждая последняя сволочь с улицы может прийти в школу и унижить тебя. Я боюсь за своих учителей, — проговорила она с отчаянием.

Эта сильная женщина плакала. Последняя сволочь становилась первыми людьми: шёл вовсю процесс первоначального накопления капитала. Дорогу бандитам наверху расчищала шпана и уголовщина снизу.

Учителя в школе, с кем пришлось общаться, выглядели ещё потерянной. Им всем в награду впоследствии добавят пенсионную реформу. Учитель труда нашей школы был мудрец, как Сократ. И высказывался, как Сократ:

— Каждому поколению своё испытание: нашим родителям пришлось война, а нам — перестройка.

Задним числом мы можем теперь заключить, что на этих учителях ещё долго держалось образование советского образца, лучшее образование в мире, пока не ввели вероломно ЕГЭ сверху.

В 80-летнем возрасте Людмила Николаевна ещё работала в школе, руководя кружками дополнительного образования. Её 80-летний юбилей организовали ей бывшие ученики. В зале кафе присутствовало человек 150. Среди них мастера спорта и многие уже весьма поседевшие ветераны туризма. В этот день всей семьёй мы прилетели в Питер и впятером ввалились на торжество с гитарой. Дети мои — гитаристы: не то что я тренькаю. Они спели Высоцкого, Визбора, Якушеву — любимые песни именинницы. Именинница, почти не выдав моих детей, знала их по именам, кто в каком классе учится и чем они увлекаются. Она помнила

тысячу школьников, вела все дела без записей в календаре и без суетливости. И подтрунивала над забывчивостью молодых коллег. В этот же год, т.е. в 80 лет, в марте она ходила в составе какой-то группы туристов в поход на лыжах по Кольскому полуострову!

К этому времени я проехал уже много стран, и у меня брали интервью журналисты. Одна импозантная дама из них однажды задала такой вопрос: какой возраст самый творческий? В любой возраст можно жить творчески! — и я стал рассказывать про нашего директора. Предложил даме взять интервью у Людмилы Николаевны. Дама пообещала, но не сподобилась: учителей телевидение не любит — обычные люди. Другое дело путешественник: крокодилы, людоеды... Кстати, крокодилов видел, а про людоедов — враньё журналистов. Путешественник — это образ необычный, героический, сильная личность, как Шварценеггер в кино. Для СМИ он нужен как образ, протаскивающий определённую идеологию. А что учитель... Теперь, когда меня приглашают на интервью как путешественника, я предлагаю рассказать о том, как мне пришлось работать в школе, — и ко мне пропадает всякий интерес у журналистов.

У учителя наверняка сохраняется долгое общение с некоторыми из школьников. У нас тоже есть компания, сложившаяся «в школе Грачёвой», и мы собираемся петь под гитару. Приходят бывшие школьники, их дети, сегодняшние школьники, которых я вожу в походы. Вечеринка, способная затянуться до утра, собирается на квартире в семье, в которой родители вместе с детьми поют лучше, чем солисты в больших концертных залах! Народу набирается до 40 человек: это те, кто подпевает. На этих собраниях я злоупотребляю положением бывшего учителя и приглашаю в чужую квартиру кого угодно. Но спевки наши всегда проходят здорово! Там же кто-нибудь вдруг вспомнит курьёзное минувшее событие,

над которым смеются. После одной такой вечеринки Александр Костенко, у которого я был классным руководителем, вызвался нас, несколько человек, развезти по домам. В машине едет старшеклассник Сергей, сын тоже моей бывшей школьницы, и рассказывает про какую-то недавнюю нашу походную авантюру.

— Это что! — возражает Александр и начинает рассказывать «настоящую авантюру, за которую бы Владимира Александровича сейчас судили». Историю эту, разумеется, я забыл. Но Саша так живо её воспроизвёл, что вспомнились все подробности. Эта история характерна сравнением: что допустимо было тогда в школе и что сейчас. Сейчас бы меня судили. А тогда мы путешествовали с размахом! Ехали летом из Петербурга на известный Грушинский фестиваль на берегу Волги, а затем, после нескольких дней и ночей фестиваля, дальше отправлялись на поезде в Бийск, на Алтай. На фестивале кто-то из наших спросил: почему с нами нет Петровича? Петрович нередко выручал меня в качестве второго инструктора. И действительно, почему его нет? Группа собирается из Куйбышева на Алтай, а двоих восьмиклассников, Сашу Костенко и Артёма Егорова, я отправляю в отдельное путешествие за Петровичем в Алма-Ату, которого им нужно доставить к нам на алтайский маршрут. Айфонов и Интернета не было. Петровича ребята нашли по расспросам не в Алма-Ате, а в горах, и затем они вместе приехали к нам в Горно-Алтайск. Петрович-то как обрадовался, что мы к нему специальное посольство направили! Я потому и забыл эту деталь похода, что дело было обычное. Но сейчас бы судили: детей одних отпустил.

Александр и Артём стали впоследствии руководителями небольших фирм. И представьте — они при этом хорошие и честные люди для своих коллег и близких. На них ещё в школе можно было положиться в деле; тогда как на словах горазды все. Их выросшая самостоятельность оказалась к тому же на уровне очеловеченной жизни, а не на уровне животной жадности, повсюду распространённой в бизнесе. Теоретически воспитание самостоятельности подразумевается школой; того же хотят и родители. Многим этот процесс почему-то представляется так: взрослые рассказывают, какими надо быть, и дети такими стано-

вятся. Слова в виде педагогической благодати мягко ложатся на душу ребёнка. В действительности самостоятельность приобретается в деле, пусть даже это неизвестно чиновникам, которые требуют от учителя держать около себя учеников, как клуша цыплят. Можно и у тепличного растения обнаружить некоторую жизнеспособность в парнике, но она не та, что у цветов в диком поле. А разве жизнь не дикое поле?

Уроки в школе

Классное руководство — беспокойное дело для учителей, но главной работой у них всё же — ежедневные уроки. Учителю и платят только за преподавание, а за классное руководство и всё остальное приплата символическая. Идёт урок истории. Я рассказываю в 5-м классе о том, как археолог Шлиман нашёл Троя. История Древнего мира, это седой Восток, Греция, Рим — вся она наполнена поэзией; в ней ещё только детство человечества. Генрих Шлиман не профессиональный археолог, по крайней мере не дипломированный и не признанный в учёном мире... У него необычная биография. Он выбрался из бедности, но, став бизнесменом, не сосредоточился только на деньгах. Вся жизнь его связана с плаваниями по морям и путешествиями по континентам, несмотря на то что в юности, будучи юнгой на шхуне, он чуть не утонул во время кораблекрушения. В любую свободную минуту он изучает иностранные языки, читает книги о древности и особенно об античности. Свои дневники ведёт на разных языках, также и деловые переговоры в разных странах. Ему приписывают знание более 20 языков. Знаток классической древности, Шлиман верит, что Троя существовала в действительности. На территории западной Турции, где живут также и греки, он организовал раскопки холма, подозревая под ним город. Над ним смеялись, но Шлиман

и его работники копают холм, который не обещает никаких находок. На раскопки приходят местные жители; вечерами они вместе с учёным открывают толстую книгу и читают на греческом языке «Илиаду». Трагические сюжеты они переживают вместе и верят, что Троя именно здесь, где они копают. У учёного наворачиваются слёзы, и вместе с ним плачут и местные жители... Раскопки длились несколько лет, и Троя была найдена. После открытия Трои написаны тома исследований: оказывается Гомер и его поэтические сказания не сплошная сказка. Сенсация побудила учёных искать по древним книгам другие погибшие города, и находки в большинстве случаев оправдались...

Я говорю пятиклассникам, которые внимательно слушают рассказ, что всё рассказанное можно найти в двух книжках: «Герои Элады», написанной по мифам Куна, и «Боги, гробницы, учёные» у Керама, талантливого журналиста и писателя. Книги есть в библиотеке, которая в двух шагах от школы, и кто их прочтёт, навсегда запомнит Грецию. Дети мне верят, но из всего класса прочтут эти дополнительные книги три–четыре человека. Почему? Перенасыщена вся школьная программа, да и среди детей — немало ленивых. Можно попробовать подойти по-другому: по этим двум книжкам сделать зачёт, влияющий на четвертную оценку, и многих побудить прочесть Керама и мифы. По каждому уроку есть прекрасная дополнительная литература. Но уверяю как учитель: зачёт будет, а Древняя Греция в душу не западёт. Да и без моих заверений, по своим школьным летам все знают цену принудительным зачётам. Кроме того, если я заставлю класс много времени уделять моему предмету, то даже если лень покинет всех детей, они не смогут пропорционально уделить столько же времени большинству других предметов. Так, собственно, и соревнуются в школе предметники, а дети не только по лени, но и физически не способны 5–7 часов (а с домашними уроками 7–10 часов) впихивать в себя каждый день раздутую программу. Разве жизнь может состоять только из одной учёбы?

Существует живучий предрассудок, особенно у образованных людей, что научный прогресс диктует увеличение школьных знаний. Даже если развитие науки чего-то и требует, то по факту программы всё равно почти всеми не усваиваются. «Неужели?» — спросит кто-нибудь из блаженных взрослых. Так это легко проверить на себе! Нужно семейной чете однажды прогуляться в библиотеку и пролистать там все учебники с 5-го по 11-й класс, чтобы усомниться в своей образованности. Очень многие споткнутся на пятом классе. Отговорка, что «забыл», будет интересна нашим детям. Но мы-то помним анекдот: «Не знал, да ещё и забыл». Какой же смысл во всей учёбе? — боимся мы задать друг другу вслух простой вопрос. Здесь я не ратую за примитивные учебники или программы. Об этом заботится без нас Министерство просвещения. Я лишь пытаюсь заострить вопрос: почему велика безрезультатность учёбы в школе, в которой дети проводят полный день?

Прежде чем сказать, почему школа даёт плохие знания, посмотрим на школьника на уроке. Или вспомним себя в детстве, если нам ещё здравый рассудок не отказывает. Когда учитель идёт преподавать в класс, то перед ним хорошо или плохо отвечающие дети, а также мешающие и не мешающие вести урок. Успеваемость и поведение — главные внешние критерии школы. Но эти критерии для взрослых: для учителей, многих родителей, а также для всех рангов проверяющих. А как себя чувствует на уроке школьник? Возьмём троечника, представляющего большинство учеников. Почти каждый школьник хочет учиться хорошо, и периодически он к этому порывается. Но не получается... Здесь надо остановить учёбу, остановить для каждого ученика, у которого не получается. Я не имею в виду танцевать около каждого, кто капризничает. Надо понять, почему не получается, а потом что-то сделать, чтобы учёба наладилась. Но общество устроено консервативно: взрослые куда-то бегут,

а за ними бегут все дети. Да и кто разрешит остановиться? Ряд неудач умеряют старания ученика, и он привыкает скользить по предмету, так, чтобы было не очень хлопотно. Тройку имеет — и ладно; знания тоже соответствующие: поверхностные. Эта роль чаще всего уготована школьнику на каждый день и на долгие годы.

Если у подростка нет уверенности, что он сможет учиться, он ищет другое поле деятельности, чтобы найти себя в чём-то ином: неуверенность точит человека. Хорошо, если он найдёт себя в полезном увлечении или деле вне школы. А если не найдёт, то станет самоутверждаться в дурном проявлении или шутстве. Наиболее слабые натуры могут впасть в депрессию, что повально сейчас в школах. Троечники, а тем более двоечники находят выход как могут: отбывают положенное присутствие на уроках и урывками хватаются за то, что кажется интересным. Можно подуреть на уроке у менее строгого учителя, можно сбежать с урока или нарваться, чтобы из класса выгнали, а можно сидеть истуканом на первой парте перед учителем и ничего не слышать по предмету: жить своими переживаниями или без всяких переживаний. А кого от школы совсем тошнит, можно в трудные записаться: пропускать подряд уроки, хамить беспощадно учителям, вообще всем хамить и дома родителям тоже. И вести себя вызывающе. В крайнем случае есть добрые службы, куда можно обратиться. Например, ювеналы или телефоны доверия, где все учатся «стучать» друг на друга с подачи государства: дети на своих родителей, родители на учителей. Разумеется, всё это происходит из добрых побуждений: живёт семья в нищете — никому дела нет, а настучать — пожалуйста, есть служба. Есть вообще много служб, латающих социальные дыры вместо того, чтобы дыры не создавать. Школьник суть взрослой жизни не всегда может понять. Он чувствует фальшь в ней. Фальшивая жизнь всего общества сбивает его с толку, и он отгораживается от многих взрослых, часто и от родителей, живя своим течением. Течение может быть каким угодно, но содержит в себе протест. Протесты не всегда бывают активными. Закрытость подростка — первый протест, пусть даже пассивный. Родители думают, что они знают, чем живут их дети, а дети знают — что

ЖИЗНЬ В ПРОФЕССИИ

не знают. Всем удобно до некоторых пор. Поэтому подростки будут категорически против любого совместного времяпрепровождения с родителями; особенно их трудно представить вместе в общеклассном походе. Если заглянуть в душу слабоуспевающего школьника, он чувствует себя на уроке скверно: отбывающим повинность, искривляющим позвоночник. Противовесом этому могут быть проделки. Ещё одна радость — перемена, где можно скуку развеять.

Учителя, ученики, программы

Каковы главные причины плохой успеваемости большинства школьников? Среди различных мнений довлеют три нарекания.

1. Плохое преподавание в школе или плохие учителя — на что часто жалуются родители.
2. Ленивые ученики. Неленивые же успевают! — так нередко думают учителя.
3. Плохие программы, и они перегружены. — об этом говорят все, кому не лень.

Попробуем посмотреть на причины поглубже: не с позиций оракулов, вещающих в СМИ, а глазами учителей и учеников, т.е. участников учебного процесса, и заодно на программы.

Об учителях. Да, преподавание часто бывает слабым. Но влезем в шкуру учителя. Везде плохо работают, где плохо платят. Также хорошее преподавание предполагает посильную нагрузку в часах: к каждому уроку нужно с чувством, с толком подготовиться. А у учителя семья — и он берёт часов побольше; да классное руководство, хочет он того или не хочет. Ещё есть необходимые рабочие собрания и планерки в учительской, а к ним и назойливые многочисленные совещания для

промывки мозгов. Ко всему этому и многому другому сверху спускается бюрократия — бумажное кровопийство, разумеется, не оплачиваемое, хоть сколько бы времени оно ни занимало. Как во всяком кровопийстве, в нём есть смысл только для одной стороны, а для учителей может быть только удивление: насколько изощрённо бумаготворчество чиновников.

Каждый предмет в школе имеет ещё свои собственные недоразумения в преподавании. История — больше всех других. Беда и трагедия всех учителей истории — завранность и заидеологизированность предмета. Прошлое нужно знать, чтобы понимать настоящее и даже заглянуть в будущее. Официальная же идеология проповедует прелести жизни правящего класса как удобство для всех и в этом ясном свете трактует историческую науку. Наука пишет учебники для школьников в обёртке идеологии. Древние события показаны не такими, какими они были, а выбраны с фактами и эпизодами, чтобы оправдывать сегодняшние эксплуатацию, войны, социальное расслоение, национальную вражду, мистику... и всё, чем славен наш век. В учебниках вместо истории народов школьник находит историю царей. Войны между народами, организованные царями, подаются с романтической или патриотической окраской. Закономерности революций и революционеры — самые передовые люди своих эпох представлены как бунты черни во главе со злодеями, а цари и палачи народов — как благодетели. «Великомученик и святой» Николай II велел расстрелять народ, идущий к нему на поклон с иконами — как это преподавать без вранья, чтобы сделать из царя ещё и святого? История — главное поле идеологии. Врунов нужно много, чтобы неправдоподобное звучало убедительно. И они стараются за большие деньги без зазрения совести. Стараются кто во что горазд, поэтому их версии в СМИ почти всегда звучат в разнобой. И неудивительно: какая каша от всего этого в головах и учителей, и учеников; равно как и у всего на-

селения. И вот учитель даёт урок: сам ничего не понимает, а дети — тем более. Учитель, конечно, может иметь своё мировоззрение, но всё же обязан не забывать и врать согласно официальным легендам. За всем этим приглядывают свыше. Официальные легенды должны звать к патриотизму; не к тому, который в братстве народов, а к верноподданническому. Учитель истории обязан давать уроки интересно, аргументировано и в свете официальной идеологии, т.е. цинично, глядя в глаза детям. В советской время историю тоже привирали изрядно, в основном во славу КПСС, но знали хоть какую-то границу. Враньё, собственно, и уничтожило советский строй. Сегодня враньё безмерное, настолько безмерное, насколько безмерны награбленные богатства капиталистов. А как их оправдывать не враньём? Враньё — обычный инструмент всякой гнилой политики.

Кроме Всемирной истории важно преподавать хорошо и национальную. История России была написана при самых удачных обстоятельствах, если смотреть, каких историков она имеет. Обстоятельства эти сравнимы с древнегреческими. Гомер гениально воспользовался мифологией и создал эпическую литературу Героического периода. Геродот красочно и талантливо написал обо всей классической эпохе. Фукидид досконально по документальным источникам убедил всех в верности изображения Пелопоннесской войны. Тоже в российской истории. Сначала явился Н.М. Карамзин, который перебрал обстоятельно все летописи: «Первый наш историк и последний летописец», — скажет о нём Пушкин. История России рассказана им удивительно живым языком, правдиво и критично, одновременно и поэтично. С.М. Соловьёв создал капитальный труд в 29 томах — дело всей его жизни, и каждый факт подтвердил источниками с указанием на архивы. Язык Соловьёва тоже вызывает трепет у читателя. А уж как написана эпоха Петра Великого! В.О. Ключевский проследил главные явления российской истории: ведь история

это не только факты, а ещё их осмысление. Например, причина: почему возникла, к чему привела и есть ли похожие явления в истории других стран? Многотомники Соловьёва и Ключевского, конечно, написаны больше для историков-специалистов. Несмотря на столь завидную классическую базу, учитель должен подчиниться скудным версиям официальной идеологии, чтобы протаскивать отечественной историей национализм, угодный верхушке для управления по принципу: раздели и властвуй. Преподавание отечественной истории в идеологическом ключе — тоже немалая нагрузка на учительскую совесть.

Натиск идеологии испытывают не только учителя истории и литературы. Преподаватели таких, казалось бы, нейтральных предметов, как математика или химия, тоже обязаны внести лепту в пользу всего святого в государстве. Политические выборы с обязанностью голосовать за одних и тех же царей и царьков; праздник 4 ноября (единение олигархов с шахтёрами из забоя) вместо 7 ноября; День Победы, чтобы вспомнить ветеранов войны, которые воевали совсем не за такой строй и которых государство сделало нищими; День Конституции, где законы для бедных составлены богатыми... — всё навязывается учителям: школа же муниципальное учреждение. Почему бы учителей не использовать, как проводников идеологии, к тому же бесплатно. Учитель же «должен быть энтузиастом».

Кроме идейных на учителей сваливаются проблемы и методического порядка. Например, очень сухие учебники. В 5–7-х классах рассказы ещё должны быть образными, одушевлёнными, состоящими из ярких событий, как в книге «Робинзон Крузо»; а там параграфы в казенном изложении с графиками, формулами, заготовленными обобщениями. Все великие писатели говорили, что надо, чтобы дети сначала всё почувствовали, а потом уже понимали. Учебники же напрочь не учитывают возрастной психологии, а профессора науки в один голос твердят: надо мышление развивать. Профессорские предрассудки тоже исходят из духа времени. Это, кроме того, что в науке, так же как везде, есть своя иерархия, чтоб не сказать мафия, которой достаётся написание учебников и пособий. Новые учебники хуже старых — в этом знамение нашего времени: образование

народа умышленно оскудевает. С 1960-х годов не переиздавались «Книги для чтения по истории», которые содержательней всех поверхностных сегодняшних «энциклопедий». Нет хрестоматий с наиболее ярким выбранным материалом для школьников по возрасту. Ни учителя в школе, ни родители дома не могут посоветовать школьнику хорошую и не поверхностную книгу, которую следовало бы прочесть, чтобы знать Всемирную историю в основах, а не в сплетнях. Собственно, есть ли вообще такая книга по Всемирной истории: популярная, но не банальная?

Книг хороших немного. Но в качестве примера можно назвать одну исключительную, про которую знают даже не все историки, сбитые общим течением лжи. Её написал индеец, находясь много лет в тюрьме, в виде писем к дочери-подростку. Он имел возможность получать от друзей книги и официальные газеты. Широко образованный и гонимый политик не отчаивался в тюрьме и работал, перечитывая многие исторические труды. Он создал шедевр. Книга Джавахарлала Неру «Взгляд на всемирную историю» была впоследствии признана большинством известных историков как одна из лучших и переведена на десятки языков мира. Сегодня её пытаются не замечать и не переиздают в просвещённой Европе, как и в России. На русском языке её можно нередко увидеть затерянной в «Букинисте» в виде трёх отдельных томов. Надо сразу сказать, она будет неудобной сегодня официальным господам, потому что антибуржуазна и против напирającego на весь мир империализма, также она антирелигиозна, не дышит догмами и сильно портит репутацию сегодняшних политиков рассказами о вчерашних. Книга не европоцентрична, она рассказывает обо всём мире и всех великих культурах по их значению, чем не удобна националистам. История — это не только события, но и их осмысление, и Неру не последний

из мыслителей. Его серьёзные обобщения опираются на факты, а не подтасованы. Этот труд даёт большой горизонт представлений об обществе, является выдающейся книгой среди исторических и сразу широко открывает двери в самую запутанную сегодня науку, которую держат в тайне официальные жрецы. Богатый и вместе с тем простой понятный язык делает книгу посильной для юношества и всех, у кого есть живой интерес к странам и судьбам народов. Этим без воды написанным трёхтомником можно смело заменить все учебники с 5-го по 11-й класс, и пользы школьникам будет больше. Книга не является идеальной и последним словом истины, к тому же у неё слабое начало из-за утеранных некоторых глав. Но она лучше всех сегодняшних предвзятых учебников.

Историю, мировую литературу, социологию полезно знать всем, чтобы найти свою позицию в жизни. История — одна из главных наук познания общества, а историзм — один из главных методов постижения мира. Скажем, чтобы знать биологию в основах (не проходить, а знать) нужно познакомиться кратко на первых двух-трёх уроках об истории развития этой науки и какие направления в ней боролись. Тогда значение биологии откроется учащимся даже при сокращённом курсе намного лучше. Отдельные темы и разделы, как вид сверху, станут виднее и понятней. Историзм для учёного имеет особенно принципиальное значение. Учёный при всех титулах не перепрыгнет в себе начетчика, если не овладеет методом историзма.

Как я вёл уроки истории в школе? Чаще плохо. Кроме всех вышеназванных учительских проблем меня давила «общага». Приходилось работать днём в школе, а по ночам ходить по этажам общежития и унимать молодёжь, нередко порывающуюся к пьянкам и дракам. Это были годы перестройки. Трудно держать на уроках вдохновение в течение рабочего дня, не выпавшись, да и понервничав изрядно. Выручали, конечно, молодость и здоровье, дарованное деревен-

ским детством, но оставалось мало времени на подготовку к урокам. В пятых-шестых классах я старался давать уроки хорошо. В седьмых-восьмых уже больше приглядывался к подросткам как к выросшим людям, и не мог не знать, что образованный циник хуже необразованного. В девярых-десятых можно было попросить кого-нибудь в классе принести из учительской гитару, чтобы завуч не видела, и мы между песнями говорили за жизнь. Старшеклассники уже вполне ощущали на себе завранность Новейшей истории и были благодарны за «уроки жизни».

Скепсис к завранной истории не вдохновлял многих учителей. На фоне перестройки раскачивались в разные стороны главные идеи и туда же разворачивали преподавание истории. Ленина ещё не облепывали, но тему сталинизма подняли. Критика сталинизма открывала многие дыры советской истории, но никто не догадывался, что партийная верхушка и нувориши ставят вопрос ещё только для себя: социализм или капитализм? Потом взялись за Ленина. Мне было 35 лет, и к ним сложившиеся убеждения. Если к 25 годам у человека не складывается убеждений, он уже никогда не будет их в себе подозревать. Он будет думать, что его шаткие мнения и есть убеждения. Мне в жизни повезло с ориентирами. Я вырос в деревне и в сельском труде. Учительская работа тоже не отрывала от жизни, формировала мировоззрение и заставляла читать нужные книги. О сущности капитализма написано у Бальзака, Драйзера, Джека Лондона, Голсуорси... то же у Белинского, Герцена, Чернышевского, Чехова и Толстого... у многих и многих лучших писателей (от капитализма зарождающегося до махрового империализма). Надо прочесть лишь две книги, чтобы понять, для кого устроен мир: «Финансист» Теодора Драйзера и «Остров Сахалин» Антона Чехова. Не только для преподавания или экзаменов в институте я читал Маркса и Ленина. Все противоречия жизни подтверждали ёмкое учение марксизма. Как только стали

гадить про Ленина, я понял, куда поворачивают всех людей и всю жизнь. Самым трудным для меня тогда было одиночество: все молились на Запад, на капитализм. Почему-то на капитализм в Азии, Африке и Латинской Америке — большей части мира, никто не обращал внимания. Уволившись из школы, нужно было искать другую цель, чтобы не потеряться в другой жизни. Уход навсегда из школы был большой внутренней борьбой не только для меня. По многим моим коллегам каток жизни прошёлся беспощадней. С полной бесшабашностью я поставил себе цель: сделать кругосветное путешествие, чтобы увидеть, какой в действительности мир. Это было решено в пору наихудших обстоятельств: не имея ни копейки денег, живя в общежитии, уволившись с работы и не зная про заграничную жизнь ровно ничего. Наверное, я был отчаянный оптимист.

О плохих учителях сказано достаточно, скажем о ленивых учениках. Ленивых школьников много, и это уже вопрос воспитания. Преподавание тоже тому потворствует. На уроках, про которые взрослые часто думают, что дети там черпают знания, лень также может продолжать культивироваться. Ведь можно безрезультатно просиживать в классе, в том числе и на уроках у хороших (сильных) учителей. Знания часто не лезут в голову, потому что ученик отстал от материала. А новая ступенька не даётся без предыдущей базы. Но и это не главная причина непонимания предмета. Над школой висит академическое проклятие: знания оторваны от жизни; они преподносятся без практики. Школьника фаршируют мудрёными сведениями, которые он не проверяет на собственном опыте. Разве оторванные от жизни знания не кажутся здравому уму бессмысленными? Ученики часто не понимают, для чего им удобряют головы, и учатся только для оценки. Кому удаётся успевать только для оценок, тот становится за 11 лет тупицей, мешком, набитым информационным мусором. Таких учеников, как правило, мало уважают одноклассники. Умного отличника, нужно сказать, почти всегда уважают в классе, если под умом не подразумевать складное словоблудие.

Что такое учебный труд? Много ли школьников ищут настоящих знаний, а не зубрят предмет ради оценок. Да и зубрит, как правило, меньшая часть класса; большая — отлынивает.

Учёба, вернее, оценки за учёбу, продвигают в основном честолюбие, но они не показатель, насколько школьник умеет применять знания в жизни. А для чего ещё нужны знания?

В чём оторванность школьных знаний от жизни? Знания по естественным дисциплинам слишком академические, направлены на узкую специализацию, раздутые и без примеров применения на практике; по гуманитарным — заидеологизированы и часто подаются не по возрасту. Иначе сказать, должны быть другие программы. Но хуже всего то, что дети не проверяют знания на собственном опыте. Те знания, которые неприменяемы, труднее всего удерживаются в памяти; они для школьника носят характер механической зубрежки, что, как известно, являлось методом схоластики в Средневековье. Почему даже великие люди о школе чаще всего отзывались с презрением? Они благодарили судьбу за случайность, натолкнувшую их на толковых людей, удачные обстоятельства, полезный труд и на хорошие книги. «Я любил чтение столько же, сколько не любил учиться», — писал Герцен. Стандартную модель школы ненавидел Эйнштейн: «Образование — это то, что остаётся после того, когда забываешь всё, чему учили в школе». У него же есть ещё одно веское умозаключение: «Целью школы всегда должно быть воспитание гармоничной личности, а не специалиста». И мы все, не великие люди, вполне понимаем, как много знаний из заученных нам совсем не пригодились, и как не хватало в жизни не переданных истин и ориентиров.

Знания школы — это лишь одна сторона, другая — сами школьники, каждый из которых со своим восприятием учебного материала и всей жизни. Жизненный опыт школьника и впихиваемые в головы знания, без учёта этого опыта — одно из главнейших противоречий учебного процесса в школе. Что разуметь под жизненным опытом школьника?

Возьму специально простой пример из того, что часто вижу. Подросток собирается первый раз в поход. Я обычно спрашиваю у мамы, насколько он самостоятелен. Если девочек хоть как-то включают в домашнее хозяйство, то мальчика, как правило, растят для счастья. В некоторых случаях, глядя на родителей, полезно спросить: не эгоист ли у них сын? То, что скажут родители, — это может быть их иллюзией, но есть люди, которые сразустораживают. Они всю жизнь дитя баловали, растили увальня и хотят от него дома немного отдохнуть, чтоб он в другом месте всех собой порадовал. Мама уговаривает сына пойти в поход: это ж романтика!

— Никакой романтики. — Опускаю я их на землю. — Нужно носить каждый день рюкзак, потом, как бы ни устали, надо ставить палатки, дров принести. Потом один день каждому дежурить, и если что не так — голодная группа сживёт со света. Мама понимает, что я не так заботлив, как она и не настаивает уже. Сын тоже чувствует во мне другую требовательность, не мамину, но он к ней не привык. Это жизненный опыт баловня.

Приходит ещё мама. Она уверяет, что её 11-летний сын спортивный, общительный, самостоятельный; сам готовит спагетти, яичницу, бутерброды... и к походам готов. В походе этот мальчик дежурил без инициативы, и не сказать, чтоб очень старался.

— Ни рыба ни мясо, — короткой фразой сполна охарактеризовала его одна из старшеклассниц. С ним, конечно, дежурит второй мальчик постарше и не новичок, и дежурство за счёт старшего прошло неплохо. То, что 11-летка что-то не умел или не знал, — совсем не беда, но то, что он не старался, — это его устойчивая черта, можно сказать, его характеристика как человека. Сам он этого не знает, но в группе многие это почувствовали, и больше всех тот, кто с ним дежурил. Дома этот мальчик такой же. Он приготовит спагетти или яичницу, поест, но не перемоеет

посуду и не уберёт после себя. Мама придёт после работы, поворчит и приберётся. Она же его любит. И он её любит, но себя больше. Он малоинициативен, потому что мама слишком много за него делает, и он же полуэгоистик дома и в походе — это его жизненный опыт.

Жизненный опыт второго дежурного, который всё сделал, — другой, и не потому, что он несколько старше. Он в принципе ответственной, трудолюбивей и думает о других. Помощник семье и бездельник (бездельник, как правило, ещё и болтун) — это два разных человека. У этих дежурных и восприятие мира разное. Полуэгоистик больше чувствует собственную персону, человек ответственный, конечно, чувствует и себя, но и интересуется поглубже другими уже потому, что он о них больше заботится. Их восприятия не только одноклассников, природы или всех событий похода, но и всего мира отличаются. Ответственный человек всегда глубже. Ответственность и восприятие мира зависят от всего предыдущего жизненного опыта. Восприятие знаний на уроках так же. Взрослые часто скептически относятся к жизненному опыту юноши, и для этого есть основания, но такие качества человека, как ответственность или интерес к окружающему миру, закладываются с детства. И мы их в детях и во взрослых каждый день воочию наблюдаем. На жизненном опыте малого или старого всегда лежит печать воспитания. Не связывать преподавание с воспитанием можно только от большого неразумения.

Как школа даёт знания, оторванные от жизни, так и восприятие детей бывает в праздных фантазиях. И то и другое влияет на процесс обучения. Образец небесталанного молодого человека, утопающего в пустых фантазиях, обрисовал классик И.А. Гончаров в романе «Обломов». На роман есть выдающаяся критика у Н.А. Добролюбова: «Что такое обломовщина?» Критик последовательно, по полочкам разбирает, как сложился такой характер, в принципе изуродованный.

Когда-то мне казалось, что образ барчука Ильи Ильича натянутый. Потом таких буржуйчиков стала поставлять новая жизнь из пресыщенных благами семей, в которых дети ещё и утопают в Интернете. Стало понятно: жизнь превосходит любые искусства. Появились дети, существующие вообще вне реальности.

Сколько бы на школу ни сетовать, но и школьник тоже должен быть трудолюбивым и не оторванным от жизни. Откуда взять школьнику опыт жизни, чтобы не жить пустыми фантазиями, не быть ленивым, оторванным от жизни и потянуться к действительным знаниям? Детям нужно предоставить возможность постоянно окунаться в жизнь. «Самое воспитание, если оно желает счастье человеку, должно воспитывать его не для счастья, а готовить к труду жизни», — это одна из самых убедительных формул, выведенная К.Д. Ушинским. Школьник плохо учится. А пусть он к приходу родителей уберёт квартиру, выучит уроки, приготовит семье ужин, приберёт кухню после ужина и порадует, что помог родителям. Пусть заберёт из садика сестрёнку и приглядит за ней дома. Если всего этого добиться и этот образ жизни сделать привычным в семье, то у школьника и к учёбе поменяется отношение. Но общество культивирует самые дикие предрассудки: помогающий родителям подросток стесняется об этом говорить среди сверстников, да и мамашка придёт с работы и всех дома обслужит: всё должно быть, как у людей. Подросток будет продолжать маяться от безделья не только дома и на улице, но и на уроках перед учителем. Детям государство ещё делает медвежью услугу: они могут жаловаться ювеналам на требовательность своих родителей.

Знаний жизни сильно прибавится, если подросток или старшеклассник найдёт постоянную подработку. Это и помощь бюджету семьи, и знания цены деньгам, и опыт производственных отношений..., и понимание, для чего учиться. Среди моих походников не так уж редко, кто подрабатывал, чтобы ездить в путешествия. Они и учились осознанней, и меньше мучились после школы выбором профессии. Я знал немало слабоуспевающих старшеклассников, которые оставили школу, пошли поработали по-взрослому на производ-

стве и потом взялись за учёбу самостоятельно. Для них необходимые знания и практика жизни больше связались в голове. Советское образование теперь многие прославляют. Да, дидактика тех лет, можно сказать, была на высоте, и из школы выходили ученики пограмотней. Но школа также страдала оторванностью знаний от жизни.

История знает замечательные образцы соединения школы с производительным трудом (не путать с эксплуатацией детского труда), например, община Роберта Оуэна или колония Антона Макаренко. Но это беспрецедентные случаи, совершенные силой подвига выдающихся людей. К этим людям человечество ещё обратится, если, конечно, само себя не уничтожит.

О программах. Все знают, что программы плохие. Неужели их нельзя изменить? Можно. Но только распоряжением сверху! Или мы видим кругом поддержку снизу? Представьте, повсеместные форумы учителей страны и они разрабатывают программы. Неужели не разработают, чтобы материал был не примитивным и связанным с жизнью? И вообразите, что наверху всё это утверждается, как воля народная. Да, это невозможно, скажут скептики. И мы не будем на этот счёт фантазировать: инициатива снизу чревата для тех, кто наверху. Но неужели же наверху глупые люди, раз уж они взялись страной управлять? Не глупые люди наверху, но у них свои интересы. Есть интересы наёмных работников и интересы правящего класса, который выбирает свою верхушку для управления обществом, в т.ч. и утвердителей программ. И вот этого, что верхушка общества себе на уме, не многие понимают. Как же это так? Мы их выбирали! А так: во-первых, выбирали из тех, кого выдвинул правящий класс, а во-вторых, правящий класс определяет социальный заказ на образование, как и на всё остальное. Что такое социальный заказ?

А, например, были престижны профессии инженера или врача (про них даже фильмы когда-то снимали), и вдруг неожиданно пошла мода на менеджеров, юристов, психологов. И удивительно, почти все сразу захотели ими быть. Тут не скрыть, старшее поколение этой моды не поняло, пока жизнь не разъяснила. Оказалось, что, когда страна была индустриальной, нужны были инженеры, а стала придатком богатых стран без собственной индустрии и одновременно рынком сбыта для них — понадобились соответствующие новому времени профессии. Менеджер? Так это ж продавец, чтоб кругом торговать и потребительство сделать смыслом жизни. Юристы на каждом шагу? Они нужны, чтоб делить собственность между родственниками и всеми собственниками: частная собственность священна, в т.ч. на недра, банки и все предприятия. А психологи? Без них никак при сумасшедшей жизни: бег галопом за заработками, расслоение в диапазоне от миллиардеров до бомжей, дети в школе сумасшедшие — на одних антидепрессантах не устоять на ногах, нужны утешители. И вот люди наверху выполняют социальный заказ для новой жизни, которая вся в их пользу. А под заказ нужна и соответствующая программа образования в школах. «Не усвоят программу!» — мантра, которую все повторяют, не вникая в смысл.

Каков социальный заказ общества? Чем скареднее общество, иначе сказать, чем меньше социальной справедливости, тем больше стремление правящего слоя сделать из подрастающего поколения более ограниченных и послушных мещан — социальную опору строя. Это преследовали и советские партократы посредством партии, и тем более правящий класс капиталистов. Социальная несправедливость советской жизни по сравнению с сегодняшней капиталистической увеличилась на пропасть. Настолько же изменилось и образование в сторону оглушения молодого поколения. Чем жаднее верхушка общества, тем скуднее задачи образования для народа и всё нелепее реформы

школы: ЕГЭ — высший образец творчества сверху. Школа — полное отражение жизни общества. Невозможно понимать смысла программ, как и вообще задач воспитания и образования, не понимая противоречий между интересами наёмных работников и капиталистов. В материалистической социологии, которая защищает наёмных рабочих, это называется классовым подходом. Энгельс, исследуя «Положение рабочего класса в Англии», писал: «Буржуазия... и образование даёт им (рабочим) лишь в той мере, в какой это отвечает её интересам». Маркс в первом томе «Капитала» повторяет то же: «Дальнейшее доказательство можно найти в речи Сеньора, произнесённой на социологическом конгрессе в Эдинбурге в 1863 г. Он указывает, что односторонний не производительный и продолжительный школьный день в старших и средних классах без пользы увеличивает труд учителей «и в то же время не только бесплодно, но и прямо во вред детям расточает их время, здоровье и энергию». Сказано прямо как про сегодняшний день.

Впрочем, сегодняшний день сложнее. Представим нескончаемую мусорную свалку, в которой лишь редко можно найти полезную вещь, и то, если долго в мусоре копать. В ней ненужное всё блестит ярче нужного. Это Интернет. Перед этой свалкой — юная душа: выбери, что хочешь! Это сегодняшняя реальность, отражающая общество во всей его очумелости. Нет, конечно, Интернет, вне сомнения, это технический прогресс и большие удобства. Одно неудобно — долго копать и можно вообще закопаться. Это взрослым. С детьми сложнее: родители их ведут в одну сторону, а Интернет, разумеется, управляемый — уводит в другую. Виртуальная свалка общей лжи, всех душевнобольных бредней, рекламы потребительства довлеет над миром, а стало быть, и над каждой школой. Попробуй, школьник, не оторваться от здравого в жизни и услышать учителя на уроке!

Разгул перестройки

Из общежития ПТУ я перебрался жить поближе к школе, в общежитие Холодильного техникума. Там тоже работал из-за жилья. Лимитчик, или не лимитчик, учителю могли выделить квартиру не раньше, как лет через 10–15. Студенты здесь учились из северо-западных областей: Архангельской, Мурманской, Коми, Карелии. Общежитейская атмосфера в ПТУ, техникумах, у рабочих выражалась в пренебрежительном слове «общага». Жильцы все люди как люди, но есть какая-то свора, совершенно невоспитанная, асоциальная, пьянствующая, хамская, мешающая жить остальным. Небольшая кучка по ночам напиивается пару раз в неделю, бродит по этажам, шумит; их все воспитанно сносят. Пьяная компания без драки обойтись не может. В общежитии есть комендант, два воспитателя, обслуга хозяйственная и даже общественный совет. Казалось бы, выселить, если не умеют уважать всех живущих, — и порядок. Но куда выселить? Да и канительно это: докладные, комсомольское собрание — выродившийся орган, педсовет. На педсовете найдутся добрые тётушки, которые в общежитии никогда не бывают, но станут защищать уже не однажды покаявшихся. Советский строй имел свои изъяны; одной из бед была показуха. «У нас нет бездомных» и вообще у нас всё хорошо! Но было далеко не всё хорошо. Искажённый социализм прихрамывал на все четыре ноги. Конечно, не было сегодняшних контрастов до идиотизма с бомжами, беспризорниками, массовыми пропаданиями людей и таким количеством самоубийств. Многие, из чего вытекали бьющие в глаза противоречия, нужно было срочно менять. Перестройка открывала новые надежды людям, но ввиду пассивности масс её заворачивали в самую реакционную сторону партийные выродки, «прихватизаторы» и криминал под содействие и аплодисменты капиталистов крупнейших стран.

В 1991 году я ушёл из школы, но жил и работал воспитателем уже в строительно-монтажном техникуме. Между работой в это время сводил две группы студентов в Крым и во второй раз побывал в Туркмении. В Крым направлялись потому, что в другие места ездить стало невозможно из-за повсе-

местного бандитизма. В Туркменистане мы всей взрослой группой неожиданно вернулись в Советский Союз. В Ашхабаде дети ходили в пионерских галстуках и на всех улицах нам радовались гостеприимные туркмены. Там я встретился со знакомыми в Институте пустынь — единственном в мире такого рода НИИ. В археологическом городе Ниса ещё работала на раскопках экспедиция из Ленинграда. Мы прошли в Туркмении два маршрута по Небит-Дагу и в Каракумах по Узбою. Узбой — удивительное высохшее русло Амударьи, которое впадала некогда вторым рукавом в Каспийское море. Русло не засыпается песчаными барханами, и в нём красивые пресные озёра: удивительно контрастная природа совсем без людей. Я бредил уже кругосветным путешествием, не зная, как мы с женой попадём за границу. Хорошо, что съездил в этот удивительный край тогда. Впоследствии Туркмения закрылась по сегодняшний день от всего мира больше, чем Саудовская Аравия. В общаге, вернее, во всех общагах, как и по всей стране, бушевал полный беспредел. «Беспредел» — народное название жизни всех осколков державы, которые по иронии истории станут называть себя суверенными.

...В два часа ночи я поднимаюсь по тёмной лестнице и иду на вопли и завывания. Это моя работа... Коридор длиной в 70 метров, горит одна тусклая лампочка; кругом грязь, стены все обшарпаны и во многих местах отбиты. На полу кровь, от большого пятна дорожка из капель в комнату. Около кровавого пятна полуразбитая трёхлитровая стеклянная банка, поучаствовавшая в драке. Из комнаты выходит верзила, которого я знаю и ненавижу. Он студент, недавно заселившийся в общежитие. У него есть «видик», и все его «друганы», числящиеся и не числящиеся в общежитии, по ночам смотрят голливудские боевики — новинка для неискушённых советских

граждан. Верзила полупьяный здоровается со мной и заговаривает:

— Говорят, Вы альпинист! Я бы тоже сходил в горы... Как Вы не боитесь ходить здесь один по ночам... Я вас не понимаю... Вы смелый человек...

— Я вас всех тоже не понимаю.

Этот год состоял из многих таких тусклых картин. В памяти они держатся как сюрреализм. У режиссёра Рязанова есть фильм с таким же сценарием. Сцены фильма слабые по сравнению с тем, что мне пришлось видеть... «...Несчастья государственные остерегают сердца людей», — писал Карамзин, характеризуя эпоху раннефеодальных смут в России. Страна сильно откатывалась назад. В унисон жизни телевидение несло несусветную ахинею и освящало новые нравы.

По центральному каналу сообщают шокирующую новость! В Русском музее с картины Репина «Запорожцы», которые пишут письмо турецкому султану, сошёл казак и прямо в музее изнасиловал иностранную леди, потому что она там оказалась одна. Об этой всей нашей стране, а не своей, рассказывала пострадавшая. Мой бывший коллега, любивший шутку, на это мрачно сказал:

— Теперь и я уволюсь со школы!

Потом ухмыльнулся и спросил:
— интересно, который из казаков?

Этот сарказм нельзя было забыть.

Вскоре я покинул культурную столицу, про которую снимут фильм «Бандитский Петербург». **НО**

Teachers Of Our School

Vladimir A. Snatenkov, teacher, Germany

Abstract: An essay on teachers and school development during the transition period of the Russian economy. An ordinary Petersburg school through the eyes of her teacher. The view of the teacher on the problems of training and education. The fate of the country and the fate of the teacher.

Keywords: teacher, school, history lessons, program, society.